

Чэнь Линлин сидела на диване, лузгая семечки, прижимая к себе малыша Хань И, и помахала рукой Чэн Баоли:

— Только тебя и ждали, закрывай дверь.

Чэн Баоли закрыла дверь и села рядом с Чжэн Пином, а Чжэн Хайян устроился на маленькой табуретке сбоку, вертя глазами вокруг «кирпичиков» на журнальном столике. Он знал, что внутри — пачки денег. Сколько именно — зависело от того, что там: монеты по десять или двадцать центов, или купюры в десять, двадцать, пятьдесят или сто юаней.

Хань Чжицзюнь сказал:

— Мы с Чжэн Пином обсудили. Раз мы оба взяли семейные деньги, не имеем права не сказать вам. Ситуация нормальная. Когда выезжали, прихватили 205 000. Я продал машину, добавил остатки с завода холодильников — итого 200 000. У Чжэна было 5 000, я ему одолжил немного. Купил за 80, продал в Шанхае за 98, всего заработали 46 134. Деньги все здесь.

Он постучал пальцами по стеклянной столешнице.

Больше сорока шести тысяч!! Чжэн Хайян широко раскрыл глаза, глядя на пачки денег, завёрнутые в газету. Одна поездка — и столько!

— Пересчитайте, — Чжэн Пин обратился к Чэн Баоли и Чэнь Линлин.

Он вместе с Хань Чжицзюнем откинулся на спинку дивана. Этот вид — мужчины заработали, женщины считают — вызвал у Чжэн Хайяна чувство восхищения. Ему тоже хотелось, чтобы кто-то заработал деньги и принёс ему их пересчитывать.

Чэн Баоли широко раскрыла глаза:

— С-столько?

Чжэн Пин толкнул её ногой:

— Женщины — болтливые. Сказано — считай.

Чэн Баоли совсем не обратила внимания на его тон и весело вместе с Чэнь Линлин взялась за «кирпичики» со стола. Разворачивают, а там пачки сине-зелёных сторублёвых купюр.

Чэн Баоли за всю жизнь не видела столько денег. Руки дрожали от возбуждения, пересчитывала раз за разом: раз, два, три, четыре, пять... Ошибалась и начинала сначала. В итоге две женщины насчитали ровно 46 134 юаня сверх тех 205 000, что они взяли с собой. Ни цента ошибки.

— Откуда столько денег! — Чэн Баоли пыталась подавить волнение, но не получалось. Раньше она не замечала, что деньги могут так радовать. Зарплату получала — и не так было весело. Оказывается, быть богатым — это такое чувство! Чэн Баоли была на седьмом небе от счастья. Иметь деньги — это круто!

Чжэн Пин посмотрел на жену, но на лице играла улыбка. Чжэн Хайян подумал, что его отец вообще-то милашка: вроде бы ругает её за неопытность, а сам улыбается. Эта ломающаяся нежность заставляла мальчика чувствовать вокруг себя розовые пузырьки.

Хань Чжицзюнь сказал:

— Всего больше сорока тысяч. Хотя я и внёс больше денег, Чжэн Пин мне здорово помог. Так что предлагаю поделить поровну.

Чэн Баоли испугалась, но Чжэн Пин спокойно возразил:

— Хватит болтать. Не ставь сестёр в неловкое положение. Я-то взял всего пять тысяч, с чего мне делить пополам?

Хань Чжицзюнь подумал и сказал:

— Возьми 6 134. Так пойдёт?

Чжэн Пин и Чэн Баоли начали было отказываться, но тут вмешалась Чэнь Линлин. Она знала Хань Чжицзюня. Её мужчина уже десять лет крутился в народе, побывал и в Шэньчжэне, и в Шанхае, и на Хайнани, ездил в Чжэцзян и Вэньчжоу. Кого она, как не его, знает? Если он так решил, значит, Чжэн Пин действительно оказал ему огромную помощь. Иначе Хань Чжицзюнь никогда не был бы так сговорчив в деньгах. Раньше он и копейки лишней не отдал бы, а если бы партнёр недодал — он бы его предков до седьмого колена проклинал.

Чэнь Линлин проявила свою обычную решительность:

— Не отказывайтесь. Я и не против того, чтобы вы взяли. Забирайте, так и решим.

В тот день семья Чжэн Пина получила 6 134 юаня. Вместе с пятью тысячами, которые Чжэн Пин взял изначально, набегало больше десяти тысяч. Они вернули три тысячи, занятые у бабушки Чжэн, и теперь у них было целых семь-восемь тысяч!! Чэн Баоли сидела на краю кровати, пересчитывала деньги снова и снова, не сводя улыбки с лица.

Чжэн Пин вернулся с завода, помывшись под душем, а жена всё ещё считала. Муж не видел её такой скупой, пнул её ногой:

— Эй, насчиталась уже? Что всё пересчитываешь? Спать не будешь?

Чэн Баоли прижимала к груди деньги:

— Я сегодня ночью буду спать с деньгами.

Чжэн Хайян выглянул из соседней комнаты и увидел, что у обоих родителей на губах играют улыбки. Мама словно смыла с себя весь негатив последних дней, совсем забыла о неприятном, и от неё веяло счастьем.

Чжэн Хайян тихонько отодвинулся, выдохнул и сам почувствовал огромное облегчение. Отлично! Жизненный путь действительно изменился полностью. И родители тоже изменились.

Новая жизнь наступает!

Когда деньги появились, обе семьи решили, что можно ехать в центр провинции. Хань Чжицзюнь пережил спад в жизни, осмыслил всё в этом маленьком уезде, а теперь был готов сорваться с места и повести семью навстречу новой жизни.

Чжэн Пин с женой тоже хотели посмотреть мир, тем более что родители Чжэн Пина уже переехали в центр провинции. Хань Чжицзюнь и Чэнь Линлин тоже решили перебраться туда. Раньше Хань Чжицзюнь был одиноким волком, а после успеха вокруг него вилась шайка приятелей. Но теперь всё иначе. Чжэн Пин был совсем не похож на тех алчных друзей,

которые смотрели на деньги Хань Чжицзюня. Чэнь Линлин наслушалась его приятелей, и теперь Чжэн Пин казался ей человеком с правильными корнями и надёжным другом.

Чэнь Линлин рассуждала так: раз семьи дружат, то и в большом городе они смогут поддерживать друг друга. Женщины будут вместе, а Хань Чжицзюню с Чжэн Пином она доверяет.

Мнения совпали, все были рады. Семья Хань Чжицзюня могла собраться за пять минут — вещи в сумки, остальное бросить. А вот с Чжэн Пином и Чэн Баоли было сложнее: они работали на госзаводе, уйти просто так нельзя.

У Чжэн Пина проблем было меньше: дедушка Чжэн раньше был заведующим канцелярией на заводе, у семьи Чжэн были связи. С Чэн Баоли было сложнее, но к их удивлению, когда она пришла к начальнику цеха с просьбой об увольнении по собственному, он особо не возражал. Только уговаривал немного, но когда Чэн Баоли стояла на своём, он пообещал помочь оформить всё побыстрее.

Вернувшись, Чэн Баоли сказала мужу:

— Не ожидала, что после тех фруктов и двух пачек сигарет начальник так поможет.

Чжэн Пин ответил:

— Дареному коню в зубы не смотрят, а у кого в руках подарок, тот и мягче. Ты ему подарила — он и помог.

Слушая их, Чжэн Хайян мысленно вздохнул. Люди в это время были очень прямыми и честными. Если бы его родители знали, что через двадцать лет люди и с подарками ничего делать не захотят, они бы ещё больше ценили такого отзывчивого начальника.

Слухи об отъезде Чжэн Пина и Чэн Баоли удержать было невозможно. На заводе все знали, а во дворе сплетни разлетаются мгновенно. Бабушка Чэнь, которая часто болтала с Чэн Баоли, пока чистила фасоль, спросила её тишком:

— Почему вы все уезжаете? На стороне разве так хорошо?

Чэн Баоли подумала и ответила:

— Да. Я хочу посмотреть мир.

— Там тяжело. Где тебе там, как сейчас-то спокойно.

Чэн Баоли сказала:

— Сейчас у нас только спокойствие, и ничего больше.

— Дома всё-таки лучше.

Чэн Баоли улыбнулась и больше не спорила. Она действительно чувствовала, что снаружи лучше. В душе зерно беспокойства давно проросло и толкало её догнать этот век. Когда она держала в руках пачку сторублёвых купюр, чувствовала это так остро: быть богатым — это прекрасно. Лучше уехать и заработать большие деньги, чем корпеть в этом маленьком уезде за сто с лишним юаней.

Она знала, что там будет тяжело. Лёгких путей не бывает. Но она выбрала идти против течения. Лучше потерпеть сейчас, чем жалеть потом. Она помнила обещание Яньяну: купить большой дом и большую машину. Она мечтала, чтобы и у их семьи, как у соседей Чэнь Линлин и Хань Чжицзюня, на книжке было двадцать с лишним тысяч, и чтобы они купили «Сантану», или зажили ещё лучше.

<http://bllate.org/book/16484/1497891>